

Всеволод МЕРКУЛОВ

НАЧАЛО РУСИ ПО ГЕРМАНСКИМ ИСТОЧНИКАМ (К уточнению научной проблематики)

Начало Руси и формирование древнерусской государственности – это комплексная научная проблема, в которой немалую роль играют германские исторические источники. Они довольно информативны и позволяют существенно конкретизировать как локальные вопросы, так и общий взгляд на раннюю историю Руси.

Как известно, традиция связывать варягов с Южнобалтийским побережьем имеет давние и серьезные научные основания. Но мы не будем возвращаться к этой теме в ее широком историческом значении и сосредоточимся на ряде внутренних вопросов, которые можно успешно решить с привлечением германских источников.

Варяги сыграли ключевую роль в ранней российской истории, создав первую правящую династию и укрепив позиции Древнерусского государства на международной арене того времени. Собственно, начало Руси связано с самим призванием варягов, о котором повествует летопись, и вокруг которого не утихают научные дискуссии. На протяжении довольно длительного времени ученые вели спор о расположении варяжской прародины, максимально близко приблизившись сегодня к окончательному решению этой серьезной проблемы.

Впрочем, во многом вековой спор «норманистов» и «антинорманистов» выходил из той плоскости, которую предоставляют нам исторические источники. Например, в летописи прародина варягов указывается вполне определенно. Согласно «Повести временных лет» варяги «сидят по морю... к западу до земли аглянской», т.е. до исторической области Ангельн в Шлезвиге, как можно предположить. Здесь прослеживается прямое указание на южное побережье Балтийского моря.

Таким образом, под прародиной варягов понимается современная немецкая земля Мекленбург – Передняя Померания, непосредственно граничащая с землей Шлезвиг-Гольштейн. Причем никакая другая предположительная локализация варягов на географической карте не соответствует столь точно летописному свидетельству. Не случайно франкский император Карл Великий в начале IX в. утвердил единый сразу для обеих соседних областей закон, получивший название «Правды англов и варинов».

Получается, что германские источники в наибольшей степени связаны с регионом, из которого летописец выводил варягов. И в

этом заключается их безусловное преимущество. Помимо этого, Новгородская IV летопись дает пусть и позднее, но весьма важное уточнение к известной легенде о призвании варягов-руси:

«Избрашася от Немець три браты с роды своими, и пояша съ собою дружину многуо. И пришедь стареишиною Рюрикъ седе в Новогороди, а Синеоушь, брат Рюриковъ, на Белиозере, а Труворъ вы Изборъсце; и начаша воевати всюды. Отъ техъ Варягъ находничехъ прозвашася Роусь, и отъ техъ словеть Роуская земля; и суть Новгородстии людие и до дняшнего дни отъ рода Варяжеска»¹.

По всей видимости, переселение с южного и юго-восточного берегов Балтийского моря в Приильменье и Приладожье происходило на протяжении нескольких столетий, как минимум, со времени Рюрика. Оно стало завершаться лишь к тому моменту, когда крестоносцы полностью захватили Померанию и Пруссию. Изначально в новгородском делопроизводстве применяется термин «варяги». Позднее выходцы с Южной Балтики получали прозвище «из Немець», указывавшее на выселение из земель, захваченных «немцами», или «из Прус» - по названию области, которое сохранилось даже после немецкого завоевания.

Хорошо известна точка зрения средневекового автора Сигизмунда Герберштейна, упоминавшего о русской прародине на южном берегу Балтийского моря². При этом Герберштейн выразил широкое мнение, бытовавшее в просвещенных кругах Европы того времени. Его же придерживался знаменитый исследователь мекленбургских генеалогий Николай Маршалк³. Тенденция сохранялась и в других работах, писавшихся независимо друг от друга.

Естественно, отношение к подобным свидетельствам должно быть не только внимательным, но и достаточно взвешенным с научной точки зрения. Конечно, мы не можем с полной уверенностью судить об объективных исторических обстоятельствах начала Руси по немецким работам XVI-XVIII вв. Однако важно установить истоки той историографической традиции, которая связывала варягов и Русь с южным побережьем Балтики. В связи с этим можно сделать некоторые интересные наблюдения.

Летописная легенда о призвании варягов оказывается полностью созвучной тому, что написал в XVI в. мекленбургский ученый Иоганн Фридрих Хемниц. Он привел предание, согласно которому Рюрик с братьями происходили с южного берега Балтики и были сыновьями князя Годлава (Годлиба или Годалайба)⁴. Эту династию связывали с городом Рерик, разрушенным данами в 808 г. Хемниц основывался на данных более древнего манускрипта из Шверинского архива, который не сохранился до наших дней. В то же время важно, что и Хемниц, и предшествовавший ему автор шверинского манускрипта вряд ли могли использовать информацию из русских летописей, которые стали известны в Германии только в первой половине XVIII в. благодаря переводам Герарда Фридриха Миллера.

Следовательно, свидетельства о Рюрике и варягах в германских документах появились из неких других источников, не связанных с древнерусским летописанием. Причем информация этих источников в целом соответствовала летописным свидетельствам, за исключением некоторых деталей. К примеру, германские авторы употребляли форму имени Сивар, а не Синеус, или датировали само варяжское призвание 840 г. По всей видимости, с теми же источниками соотносится известная легенда о Рюрике и его братьях, записанная путешественником К. Мармье в Мекленбурге⁵.

Итак, согласно германским источникам, Рюрик с братьями были «призваны» около 840 г., что представляется довольно правдоподобным. Хронология Начальной летописи достаточно условна и оставляет немало противоречий. Однако некоторые летописные списки, на наш взгляд, более точно, нежели германские источники, указывают на место «призвания». Вероятнее всего, это был не Новгород, а Ладога, заложенная варягами еще в середине VIII в. Новгород Рюрик «срубил» позднее, о чем свидетельствует и название города. По археологическим данным, он был основан не ранее IX в.

На основании этого можно допустить, что и «Сказание о призвании варягов», которое А.Г. Кузьмин считал местным ладожским преданием⁶, и сообщения германских источников о Рюрике восходят к общему первоисточнику. При этом данные русских летописей могут дополняться и даже уточняться данными германских документов, получая новое историческое содержание. И связи Руси с варяжской Померанией оказываются глубже, чем можно представить. Приведем ряд показательных примеров.

Немецкий краевед Йохан Гюнтер опубликовал несколько мекленбургских народных преданий и сказок. Одна из них называлась «Ведьма» (De Hex). В данном случае сюжет сказки не столь важен - она представляет собой довольно типичное произведение. Однако первые строки очень интересны: «В одном большом селе, расположенном близ Эльды в юго-западном Мекленбурге, во времена московитов жила-была злобная ведьма...»⁷.

Остается загадкой, зачем в некоем селе на юге Балтики безо всякой привязки к сюжету сказки вспоминать про «московитов». Почти не вызывает сомнений, что фраза «во времена московитов» употреблена в тексте в качестве синонима типичного фольклорного выражения вроде «в незапамятные времена». Как известно, в источниках «московитами» называли русских из Великого княжества Московского XIV-XVI вв. Но можно предположить, что по аналогии в эту эпоху «московитами» могли именовать и русов более раннего времени.

Данное упоминание «московитов» на юге Балтики не является единственным. Сохранилось любопытное историческое предание, связанное с городом Кессин, расположенным близ Ростка. В частности, «жители крепости (Кессин. - Прим. авт.) сражались с москвитами, и король их был убит, немногим удалось спастись из уцелевшей

крепости, а сама цитадель с замком была разграблена врагами. Не нашли московиты только самое ценное – стол из золота и золотого идола бога. Эти сокровища были спрятаны герцогом на дне глубокого колодца»⁸.

Упомянутая в сказании крепость Кессин – это городской центр кессинов (или хижан), входивших в южнобалтийский племенной союз велетов/вильцев⁹. Замок Кессин располагался в нижнем течении реки Варнов, в окрестностях города Росток. Крепость просуществовала до второй половины XII в., когда была разрушена войсками датского короля Вальдемара I. Сейчас на месте некогда серьезной цитадели находится одноименный населенный пункт.

Конечно, историчность приведенного сказания можно поставить под вопрос. Однако очень часто устное наследие сохраняет в форме преданий память о реальных исторических событиях, причем порой весьма древних.

В предании подчеркивается, что крепость в Кессине уцелела после захвата города московитами. Поэтому можно предположить, что описываемые в сказании события имели место не позднее XII в. Подтверждает это и упоминание спрятанного золотого идола – очевидно, речь идет об эпохе открытой приверженности жителей города язычеству.

Иными словами, перед нами еще одно историческое сказание, в котором «московиты» фигурируют в истории южнобалтийского региона. По всей видимости, автор предания имел в виду тех, кто вполне определенно ассоциировался у него с Русским миром.

Все это позволяет еще больше детализировать варяжский вопрос, связывая его с Южной Балтикой. Если Сигизмунд Герберштейн получил сведения о происхождении варягов в самой Московии, то северогерманский фольклор доносит до нас как бы свидетельства этой традиции «с той стороны».

Что касается альтернативной точки зрения о происхождении варягов, то достаточно процитировать шведского автора Петра Петрея, который писал: «...Я нигде не мог отыскать, что за народ были варяги, и потому должен думать и войти в подробные разыскания, что они пришли из Шведского королевства или из вошедших в состав его земель, Финляндии и Ливонии»¹⁰.

Как известно, мнение о «скандинавском» происхождении варягов является одним из глубинных заблуждений в отечественной истории. Не раз отмечалось, что оно основано преимущественно на «догадках» шведских авторов XVII в., среди которых важную роль сыграл писатель Петр Петрей. Впрочем, Швеция появилась в варяжском вопросе отчасти логично. Дело в том, что прародина варягов на Южнобалтийском побережье в первой половине XVII в. входила в состав Шведского королевства. Так что человек, писавший о варягах в то время, вполне мог обобщать. Получалось, что варяги будто бы «пришли из Швеции» в ее тогдашних границах. Но сегодня такая

полуправда, применимая к конкретной исторической эпохе, конечно, не может претендовать на серьезное научное значение.

Отдельное внимание в германских источниках уделяется родословной Рюрика. Мекленбургский историк Матиус Иоганн фон Бэр писал, что у «короля рутенов и ободритов» Витислава был сын Годелайв, у которого, в свою очередь, были сыновья Рюрик, Сивар и Трувор. Позднее Рюрик основал Новгород и стал великим князем Руси¹¹. Сам Витислав, будучи союзником Карла Великого, известен по франкским хроникам. Вообще франкские документы сообщают о вражде ободритов и велетов/вильцев (что позволяет, например, несколько иначе взглянуть на предание о нападении «московитов» на крепость Кессин, приведенное выше).

В целом средневековые мекленбургские генеалогии являются ценными историческими источниками, которые еще не изучены в полной мере. В то же время уже сейчас очевидно, что они способны существенно дополнить представление о тесных контактах Руси с южнобалтийским Поморьем. Мекленбургские родословные позволяют прямо связывать древнерусскую историю с Северной Германией. Помимо этого, они прекрасно соотносятся со всем комплексом источников, позволяющих локализовать прародину летописных варягов – основателей Древней Руси – на южном берегу Балтийского моря.

К широкому перечню генеалогических документов относится родословная мекленбургских королей и герцогов, которая принадлежит к числу древностей Доберанского монастыря.

Город Доберан расположен между Росток и Висмаром - в десяти километрах от Рерика и в непосредственной близости от Южнобалтийского побережья. Впервые он упоминается в источниках во второй половине XII в. как «villa Slavica Doberan» (предположительно от личного имени Добран). В 1164 г. в ходе христианизации Поморья здесь был основан цистерцианский монастырь, в котором обосновались двенадцать монахов. Очень быстро он завладел обширными территориями, доходившими на востоке до «вендского города» Росток.

Помимо этого, монастырь в Доберане стал использоваться для погребения представителей мекленбургской правящей династии. В 1172 г. там была похоронена Воислава - супруга князя Прибыслава, принявшего крещение. Когда сам Прибыслав погиб в 1178 г. в результате несчастного случая на рыцарском турнире, он был также захоронен в Доберанском монастыре.

В следующем столетии здесь проходили посвящение епископы Шверина, ставшего столицей Мекленбургской области, и велись многочисленные теологические диспуты. К началу XV в. Доберанский монастырь пережил период своего расцвета, после того как папа Римский Бонифаций IX даровал его аббату право использовать епископские регалии.

Вплоть до Реформации Доберанский монастырь играл существенную роль в церковной истории южнобалтийского Поморья. После

секуляризации в 1552 г. на его месте возникла административная резиденция Мекленбургского герцогства с постоянным двором, палатами, многочисленными хозяйственными постройками и охотничьим домиком¹².

Сегодня Доберанский монастырь по праву считается усыпальницей, которая имеет огромное историческое и культурное значение. В дополнение к некрополю была создана уникальная композиция, которая представляла собой родословное древо мекленбургских правителей. Самое удивительное заключается в том, что создатели отобразили генеалогию на витраже арочного окна в соборе Доберанского монастыря. В ней были указаны представители вендской династии от последнего языческого короля Никлота, отца Прибыслава, до Иоханна II, который был правителем Верле и скончался в 1337 г., то есть первые шесть поколений «исторических» князей Мекленбурга.

Доберанский монастырь (нем. Kloster Doberan) - бывший цистерцианский монастырь в Бад-Доберане. Первый монастырь, учрежденный в Мекленбурге, он появился после крещения князя вендов Прибыслава и превратился в важный духовный, политический и экономический центр.

Соответственно, можно предположить, что витражная генеалогия была создана в первой половине - середине XIV в. и является, таким образом, одним из старейших мекленбургских родословий, которые известны на сегодняшний день. Достоверность этого источника подтверждается тем, что он был неотъемлемой частью погребального комплекса, объединившего в себе захоронения лиц, которые упоминаются в родословии на витраже.

Доберанская генеалогия отнюдь не уводит нас к легендарным истокам мекленбургской династии, как многие аналогичные источники. В родословии указаны только реальные персонажи, существование которых не вызывает никаких сомнений. Также очевидна и их прямая принадлежность к мекленбургскому дому, подтвержденная другими документами.

Центральными фигурами Доберанской генеалогии являются Никлот и Прибыслав. Согласно Гельмольду, оба яростно сопротивлялись христианизации, что дало основание хронисту назвать их «мрачными чудовищами, враждебными христианам»¹⁵. Однако первый погиб в 1160 г. при обороне родового замка Верле, а второй в конце концов был вынужден принять новую веру.

В Доберанской генеалогии Никлот и Прибыслав указаны как Rex Wagirorum, то есть «вагрийские короли». По всей видимости, это ука-

Варин (нем. Warin) - город в Германии, в земле Мекленбург - Передняя Померания.

зание оказывается тождественным *Rex Wairensium* (по Гельмольду). О самом государстве Никлота и Прибыслава хронист дает довольно точные сведения: «Из всех северных народов только славяне были упорнее других и позже обратились к вере. Как я уже говорил, славянских народов много, и те из них, которые называются винулами или винитами, по большей части относятся к Гамбургской епархии. Ибо Гамбургская церковь, помимо того, что она, будучи столицей митрополита, охватывает все северные народы или страны, имеет также определенные границы своей епархии. В нее входит самая отдаленная часть Саксонии, которая расположена по ту сторону Альбии и называется Нордальбингией (...). Оттуда граница тянется до земли винитов, тех именно, которые называются вагры, ободриты...»¹⁴.

Однако написание «вагры» (*Wagiri*) отнюдь не являлось традиционным для источников. В этом смысле Гельмольд является скорее исключением, отчасти следуя за Адамом Бременским, который использовал написание *Waigri*¹⁵. В широком перечне других исторических документов этот этноним также локализуется на Южнобалтийском побережье, но указывается как «варины» или «вари»: *Varini* (Тацит), *Varinnae* (Плиний Старший), *Varni* (Прокопий), *Waari* и *Wari* (Видукинд), *Waagi* (Анналист Саксон), *Wari* (Титмар). При этом наблюдается довольно точное соответствие тому написанию – *Wairensium*, которое Гельмольд использует для названия народа (страны) Никлота и Прибыслава.

Доберанская генеалогия

<p>Dicolotus magistorum circispanorum polaborum obotritarum kissinorum ac totius sciantie rex.</p>				
<p>grip.</p>				
<p>Johannes dei gra. magnopolensis do- mestus. obiit anno dni. MCCCLXXXIX, VI kalen- das iunii.</p>		<p>Prizibylaus dei gra. magistorum-polabo- rum magnopoli et circis- panorum regulus. hic fundavit dobbran et obiit anno dni. MC. XV, III. kal. januarii.</p>		<p>Bernardus nicolai primi filius dei gra. domestus de werle. obiit anno dni. MCCLXXXI sexto idus octobris.</p>
<p>Hinricus dei gra. magnopolensis rostochensis et starogar- die dno. obiit anno dni. MCCCXXV. XI kalendas februarii.</p>		<p>Maratiplaus circispanorum cussinorum et kissinorum rex. hic malepew ducesm deusoweck est occisus.</p>		<p>Johannes secundus dei gra. dominus de werle obiit a. dni. MCCCXXVII, 6to kalendas septembris.</p>
<p>grip.</p>		<p>bif.</p>		
<p>Johannes 2° dei gra. dno. in gadebusse. hic obiit a. dni. MCCCLIX, pridie idus octobris.</p>		<p>Nicolaus dei gra. cuscinorum et kissinorum princeps. hic anno dni. MCC, octavo kalendas iunii interfectus est in warche.</p>		<p>Nicolaus 2° dei gra. filius johannis dominus de werle. obiit anno dni. MCCCXVI, 4to idus octobris.</p>
<p>Nicolaus dei gra. dno. magnopoli et prepositus in ywerin. obiit VI idus iunii et sepul- tus in dobbran.</p>		<p>Albertus dei gra. magnopolensis dno. obiit anno domini MCCCLV, 5to Xo maf.</p>		<p>Hinricus Burby dei gra. princeps magno- polensis sciaunorum kissi- norum. hic quod pater inceperat laudabile termi- navit et obiit anno dni. MCCCXXVII, V kias. febru.</p>
				<p>Johannes dei gra. dno. in werle. obiit anno dni. MCCLXXXIII octavo X kalendas nouem- bris.</p>
				<p>Nicolaus dei gra. dno. de rostoch. obiit anno domini MCCC tercio decimo, VII kalen- das decembris.</p>
<p>Prizibylaus 2dus dei gra. dno. in richen- berch. obiit anno dni. M trecentesimo XV.</p>		<p>Hinricus dei gra. magnopolensis dno. hic obiit anno dni. MCCCLII, 4to nonas jar- nuarii. hic fuit captus in scim.</p>		<p>Nicolaus 2° dei gra. princeps magno- politianorum. hic cecidit in castro godebus et frac- tis servitibus exspiravit.</p>
<p>Prizibylaus dei gra. dno. in richen- berch 4tus filius dni. hen- rici qui debuit bona joser- lin anno dni. MCCLXII kalendas augusti.</p>		<p>Johannes dei gra. magnopolitano- rum princeps et theologus. obiit a. dni. MCCLXIII kalendas augusti.</p>		<p>Hinricus 2° dei gra. princeps magno- politianorum rostoch et sciaunorum pater omnium qui secuntur.</p>
				<p>Nicolaus dei gra. dno. in sclanda. obiit a. dni. MCCLXXVII nonas may. hic rexit ec- clesie bona sepelivit.</p>
				<p>Burwynus dei gra. dno. in rostoch anno dni. MCCLX. hic debit ecclesie denarschen berch cum suis attinen- tis.</p>

По этой причине нет необходимости доказывать лингвистическую связь между формами «варяги» и «вагры», так как последняя является исключением, отклонением от «нормального» написания. Естественно, настаивая на обратном, оппоненты уводят обсуждение проблемы в сторону. В результате мнимая проблематика отдаляет историков от решения актуальных вопросов. Однако форма «варинь» или «вари» довольно однозначно соответствует летописному написанию «варязи».

Доберанская генеалогия, обозначая Никлота и Прибыслава «королями варягов», становится чрезвычайно ценным источником по начальному периоду русской истории, в которой варяжский вопрос имеет, пожалуй, важнейшее и наиболее принципиальное значение. Но научная значимость родословия из Доберанского монастыря этим не ограничивается.

Историческая методология позволяет экстраполировать подтвержденные документальные сведения на другие подобные источники. В данном случае достоверность Доберанской генеалогии подтверждается как иными свидетельствами (в частности, Гельмольдом), так и достоверностью существования Никлота и Прибыслава, а также их принадлежностью к мекленбургской династии.

Следовательно, данные Доберанской генеалогии можно соотнести с другими мекленбургскими родословиями, в достоверности которых у некоторых исследователей до сих пор возникают сомнения. Сразу оговоримся, что речь идет не о правдоподобности свидетельств отдельных «легендарных прародителях», а об исторической достоверности мекленбургской генеалогической традиции в целом.

Доберанская генеалогия была создана во время правления прямых потомков Никлота (и, вероятно, по их же поручению при оформлении усыпальницы в Доберане), что сводит к минимуму хронологический разрыв и подтверждает преемственность родословной традиции. Никлот – реальное историческое лицо – называется в ней «королем варягов» (*Rex Wagirogum*), и это позволяет уверенно переносить данный титул и на его предшественников. Наконец, в этом свете принадлежность летописного варяга Рюрика к варяжской (или вагрийской) династии королей Мекленбурга представляется весьма обоснованной, подтверждая сведения других мекленбургских генеалогий.

В заключение, можно сформулировать краткие выводы, позволяющие уточнить научную проблематику по обозначенной теме.

Во-первых, германские источники имеют большое значение для исследования и успешного решения научной проблемы начала Руси. Они помогают конкретизировать и дополнять летописные свидетельства о призвании варягов, позволяя уверенно связывать их с южным берегом Балтийского моря. При этом германские источники не связаны с собственно древнерусскими.

Во-вторых, германские источники о начале Руси по большей части укладываются в единую традицию. Они не только не противоречат, но

и полностью согласуются с очевидной параллелью между летописными варягами и южнобалтийскими варинами. В этом смысле германские источники позволяют надежно обосновать происхождение варягов с южного побережья Балтики и ассоциировать их с варинами.

Наконец, германские источники позволяют «углубить» варяжский вопрос, связывая начало Руси с цивилизационным развитием всего Южнобалтийского региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 11.
2. *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 4.
3. *Marschalk N.* Die Mecklenburger Fürstendynastie und ihre legendären Vorfahren. Die Schweriner Bilderhandschrift von 1526. Bremen, 1995.
4. *Chemnitz J.Fr.* Genealogia regum, dominorum et ducum Megapolensium...; notae adjectae... Joh. Christ. Beselinii / Westphalen, Mon. ined. II, 1615-1726. (Неопубликованная рукопись: Chemnitz, Chronicon. Schwerin, Hauptarchiv).
5. *Marmier X.* Lettres sur le Nord. Paris, 1857. P. 25-26. Первое указание на этот источник мы находим у Владимира Чивилихина в кн.: Память. М., 1982.
6. *Кузьмин А.Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 42-53.
7. *Günther J.Ch.F.* Meklenburgische Volkssagen und Volksaberglaube // Verein für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde: Jahrbücher des Vereins für Mecklenburgische Geschichte und Altertumskunde. Bd. 8 (1843), S. 206.
8. *Иванова-Бучатская Ю.В.* Plattes Land: Символы Северной Германии (славяно-германский этнокультурный синтез в междуречье Эльбы и Одера). СПб., 2006. С. 97.
9. *Херрманн Й.* Ободриты, лютичи, рюане / Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 338.
10. Подробнее см.: *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 151-464.
11. *Beehr M.J.* Rerum Meclenburgicarum. Leipzig, 1741. S. 30-31.
12. Подробнее см.: *Erdmann W.* Zisterzienser-Abtei Doberan. Kult und Kunst. Königstein/Taunus, 1995; *Minneker J.* Vom Kloster zur Residenz: Dynastische Memoria und Repräsentation im spätmittelalterlichen und frühneuzeitlichen Mecklenburg. Münster, 2007.
13. Дословно в тексте: Fueruntque hii duo truculentae bestiae, Christianis valde infesti.
14. Helm. Lib. I. Cap. VI.
15. Adam, Hist. eccl., Lib. II, Cap. 18.